

Андрей Болотов

Честохвал

Андрей Болотов

Честохвал

«Public Domain»

1799

Болотов А. Т.

Честохвал / А. Т. Болотов — «Public Domain», 1799

Комедия детская в трех действиях, сочиненная в городе Богородицке 1779 года.

Содержание

Действующие лица	5
Действие I	6
Явление первое	7
Явление второе	8
Явление третье	11
Явление четвертое	12
Явление пятое	14
Явление шестое	15
Явление седьмое	16
Явление восьмое	18
Явление девятое	19
Явление десятое	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Тимофеевич Болотов Честохвал

Действующие лица

1. Г. Благодрав, дворянин.
2. Феона, дочь его лет 13.
3. Клеон, сын его 9 лет.
4. Оронт, племянник его, живущий у них в доме, лет 14.
5. Честохвалов, молодой дворянин лет 17 или 16.
6. Добродушии, сосед г. Благодрава, небогатый дворянин, старик.
7. Ванька, мальчик, слуга Клеонов.
8. Крестьянин-старик.
9. Лакей.

Действие I

Театр представляет комнату в доме Благозрава.

Явление первое

Клеон (*один, сидящий за столом, на котором наложено бумаг и прочего и рисующий картинку*). Посмотрим-ка!.. (*отворяет бумажку и смотрит*) А! как же это хорошо будет: такая прекрасная картинка. Ах, как я рад и доволен, что добрался, как это сделать. Но надобно мне поспешить скорее ее всю доделать и успеть, покуда не приедет Оронт. Верно, прельстится он у меня ею. Но молчи ж, помучу я его. Не скажу, как это я делал. Пускай же добирается сам. А то он и сам иногда мучит же меня. (*Начинает продолжать рисовать.*)

Явление второе

Клеон и Ванька

Ванька (*вбегая*). Гости, гости! сударь, едут. Извольте скорее прибрать все со стола.

Клеон. Эх! Это они, конечно. Экая беда, а я еще не окончил. На минуточку бы еще, так бы и все было готово. Но где ж они, Ванька, что ж не слышно? Ванька. На двор-та они еще не въехали, а Фока наш видел, что они на той стороны с горы спускаются, две кареты, сказывает.

Клеон. О! так они еще не скоро будут, и мне успеть еще можно дописать.

Ванька. Да когда уж, сударь, дописывать. Переставайте и опрастывайте стол.

Клеон. Ох! пожалуйста, Ванюшка-голубчик, погоди и дай мне дорисовать мою картинку, успеешь еще прибрать. Я вмиг ее окончу.

Ванька. Да какую это вы рисуете картинку? Ничего, сударь, не видно.

Клеон. Молчи, глупой, ты не знаешь, ты заглядишься, как увидишь.

Ванька. Покажите-ка, покажите, сударь.

Клеон. Но показать ли? Нет, не покажу!

Ванька. Да для чего ж не показать-та, сударь! Как же мне заглядеться, когда не увижу.

Клеон. Я бы показал тебе, Ванька, но ты расскажешь Оронту, как она делана.

Ванька. Чего рассказывать! Я сам ничего еще не видал, а только всего, что вы что-то по белой бумаге вилкою чертите.

Клеон. Того-то б и хотелось мне, чтоб ты не сказывал Оронту.

Ванька. Извольте, сударь, я и не скажу.

Клеон. Солжешь, а скажешь, бездельник.

Ванька. Вот тотчас и солжешь, и тотчас бездельник. Что, сударь, я сбездельничал такое? А лгать-то, сударь, я уже давным-давно не лыгал.

Клеон. А как давно, небось с давичняго утра, да и тому вряд ли статья можно. Но я надеюсь, что ты и сегодня раз десятка два уже солгал?

Ванька. Куда вы каковы, боярин, а не знаете того, что лгать и я так же перестать хочу, как перестали вы, сударь.

Клеон. Ха! ха! ха! хочешь перестать, а и теперь уже лжешь.

Ванька. Нет, право, сударь, мне хотелось б, сударь, лгать перестать, но я не знаю, как бы это сделать. Разве вы поучить изволите.

Клеон. Ежели ты вправду говоришь, то, пожалуй, для чего б не поучить. Я б тебе рассказал, как я это сделал.

Ванька. Пожалуйте-ка, скажите.

Клеон. Мне как уже наскучило, что все меня бранят за то, что я лгу, то, наконец, сказал я сам себе: "Долго ли мне это терпеть! Всегда меня за это бранят, журят и осуждают. Так вправду знать это дурно. Отведаю-ка я отставать от этой привычки! Стану-ка я так делать, как батюшка мне сказывал".

Ванька. А как, сударь?

Клеон. Сперва стал я так, как советовал мне батюшка, все думать и размышлять о том, как это будет хорошо. Если я смолоду лгать никогда и ни в чем не буду, как все меня за то хвалить будут! Как называть станут примерным ребенком, как самые старые меня за то любить и отменно пред другими почитать будут! Какое получу я чрез то преимущество пред другими! Как мне верить станут, как мне сие полезно будет – и так далее.

Ванька. Ну! сударь, а там что?

Клеон. А потом выбрал я день и сказал: "Не стану я сегодня лгать и как можно буду крепиться".

Ванька. Что ж? Будто вы и укрепились?

Клеон. Конечно! Хотя правду, Ванюшка, сказать, было мне сие и очень трудно. На ту пору как нарочно и случаи являлись к тому, чтоб лгать, и иное словцо у меня уже на языке было, но я укрепился, и как бы то ни было, но я уже удержался.

Ванька. Диковинка, сударь. А меня хоть зарежь, так мне, кажется, не утерпеть.

Клеон. Экой ты! Это тебе так кажется. А когда б ты по-моему отведал, так бы и ты увидел, что это не таково трудно. Мне тяжело было только в первый день. А как я сам собою очень доволен, что утерпел, и мне захотелось и в другой тоже попробовать, то увидел я, что уже мне и в половину столько трудно не было. А в третий день и того легче, а таким-то образом я понемногу и отвык.

Ванька. И с того времени будто вы не однажды и не лыгали?

Клеон. Как-то без того. Иногда позабудешься и что-нибудь и солжешь. Однако я всякий раз на себя уже досадовал и, сделавши такой проступок, тем тверже предпринимал вперед того не делать, а чтоб мне лучше в том успеть, то для того-то я тогда и сказал всем, что я перестал и не хочу более лгать. А ныне думаю таким же образом от некоторых и других вещиц отстать, за которые иногда меня побранивают.

Ванька. Не знаю, сударь, как это вы делаете, а в мою не лезет это голову. Мне кажется, это невесть как мудрено.

Клеон. Фу, какой! Неужели голова твоя не такая же, как у меня. Ведь ты такой же человек, как я, и когда мне было можно, то можно и тебе. Отведай-ка только!

Ванька (*качает головой*). Бог знает, сударь! Ваше дело боярское, а нашему брату холопу как, кажется, не солгать – нельзя! Воля ваша!

Клеон. Дурак! Да вам это нужнее еще нашего: верность и справедливость в вашем брате холопе всего дороже. Разве ты не слыхивал, как все верных-то слуг хвалят и цены им не ставят.

Ванька. То так, сударь, но кто ее утерпит! Мне кажется, мне и двух часов не утерпеть.

Клеон. Отведай-ка только, говорю! Увидишь другое и после сам скажешь спасибо. Будь мне об этом товарищ, а я куда б тебя за то любить стал. Первым бы ты у меня слугою был, когда бы я вырос, и если б был ты всегда справедлив, то стал б тебя неведомо как любить.

Ванька. Это бы хорошо, сударь, посмотрю... (*качает головой*) только бог знает, не уповаю, однако, дописывайте-ка скорее картинку, пора прибирать.

Клеон (*встает*). Ну прибирай, прибирай теперь себе как хочешь: она уже готова, слава Богу.

Ванька (*прибирая*). Ну что ж показать-та, сударь?

Клеон. Хорошо, Ванюшка, я показал бы теперь тебе, но ну ежели ты скажешь Оронту?

Ванька. Уже не скажу, сударь.

Клеон. Да устоишь ли полно в своем слове? Не солжешь ли? Ну! Отведай-ка теперь то, что я говорил.

Ванька. Изволь, сударь! Вот вам моя рука!

Клеон. Хорошо (*распиливает обе бумажки и показывает картинку*). Нут вот смотри себе.

Ванька (*дивится*). Ох сударь! Как же она хороша! И можно ль б думать! Да как же вы это делали?

Клеон. Безделица самая (*показывает ему отнятую бумажку*). Я натер эту бумажку наперед пальцем сухую киноварью, потом опрокинул ее на эту беленькую, сошпиллил их вместе и по изнанке этой ну чертить и рисовать кончиком этой вилочки: там, где я ни водил, то все и вылегло на исподней.

Ванька. Изволь смотреть боярина! Куда ты затейлив, сударь, а мне этого и в голову не вхаживало.

Клеон. Ну молчи ж. Ванька, и никак не сказывай, как бы у тебя Оронт или иной кто ни стал спрашивать. Но вот едут, едут гости! Прибирай, прибирай скорее! (*Смотрит в окно.*) Ба! да это наши! Это бабушка вот с сестрицею, но, нет-нет, вот и другая карета. Кто ж бы это был с Оронтом? А! Это господин Честохвалов. Вот их и гусары, и его собаки.

Явление третье

Те же и г. Благодрав и Феона, а потом Честохвал и Оронт

Благодрав (*целуя Клеона, подошедшего к нему и целующего у него руку*). Здорово, Клеонушка. Все ль хорошо, не скучалось ли тебе без нас?

Клеон. И! Нет, батюшка. Я все рисовал и не видал, как прошло время.

Благодрав. Тем лучше! (*Проходит мимо и уходит.*)

Клеон (*показывая издали Феоне картинку*). Посмотрите-ка, сударыня, какая!

Феона. Ужо! ужо! братец. (*Уходит.*)

Честохвалов (*входя к Оронту*). Клянусь честью, что это так! (*Проходит мимо Клеона, кивнув ему с презрением головою в соответствие на поклон его, а Оронт остается и целуется с Клеоном.*)

Явление четвертое

Клеон и Оронт

Клеон (*целует Оронта*). Здорово, голубчик братец? Уже насилу я вас дождался, да где вы этого молодца-то взяли?

Оронт. Ох, братец! Мы нашли его там, где были, но когда б ведал я, что он там будет, и не подумал бы ездить, а лучше остался б с тобою.

Клеон. Что ж такого?

Оронт. Что братец! Никогда я в такой досаде на этого залыгалу, на этого пустоголового шпыня и скалозуба не бывал, как ныне. Поверишь ли, уж горел-горел от стыда да и стал, и мне надоел он, как горькая редька.

Клеон. Да что, разве он тебе смеялся?

Оронт. За то-то и досаую. Высокоумие его честности не соблаговолилось иного предмета избрать для своего осмеяния, шуточек и шпынянья, кроме меня. Легко ли, братец! Только было и речей, только и ума, чтоб надо мною шпынять и скалозубить.

Клеон. Да что ж он в тебе смешного находил?

Оронт. Что смешного! Как, братец ты такой, разве ты не знаешь сих молодцов скалозубов и непонятной для меня их премудрости? Они, сударь, в состоянии во всем найти смешное, и, мне кажется, что, ежели пред них самого ангела представить, так бы они и в том нашли тысячу пороков и вещей, осмеяния достойных. Но только нечего говорить. Видал я много лгунов и скалозубов, а этот уже неведомо что, так и, черт знает, из чего это лезет и где он такому ремеслу научился.

Клеон. Опять-таки лгал?

Оронт. Лгал! В прах-таки, в прах всех залгал и залгал бесстыднейшим образом. А надменность и высокоумие его совсем-то было мне уже несносно. О чем бы ни начали говорить, все ему было ведомо, все не в диковинку, все он знал, все ведал, хотя об ином ни малейшего не имел понятия. Не дал-таки никому слова выговорить. Но тфу! какая пропасть! пускай же бы уже оставался он при всех своих мнимых высокопарных знаниях, но на что бы губу-то мордить? На что бы презирать других и таких, которые, может быть, его не глупее никак. Ей-ей! Иногда терпения нет, и мне он так надоел, что я неведомо бы что дал, если б нашел средство чем-нибудь ему его насмешку отсмеять.

Клеон. Вот тотчас и за отмщение! Куда ты, братец какой, а мстить, ведь ты знаешь, что дурно и никогда не надобно. Но как это вас снесло и за что стало?

Оронт. Чего, братец! Начали старики наши разговаривать и рассуждать о воде и воздухе. Он хотел пред ними оказать свое знание и мнение одного из них оспорить. Не смысла ни аза в глаза, заврался он в пух, а меня нелегкая догадала сказать ему, что это не так, и старикам истолковать, как то делается, о чем они тогда говорили. И как я растолковал им порядочно, то за то-то и встань на меня от него беда и неляж. Таки в пух меня расцыганил.

Клеон. Как, братец ты такой! Да ты бы отошел, сударь, и не связывался с ним более.

Оронт. Отошел! Да от него и крестом не открестисься. Это хуже нежели смола самая! Я уже и бегал и чего ни делал, но ничто не помогает. Но добро, отсмею же я когда-нибудь сам это! Дни у нас впереди. Молодец-то ловкий! Глаза-то у меня были. Не утерпеть ему, чтоб того же и в другом месте не сделать, что я там видел.

Клеон. А что такое?

Оронт. Так, братец. Это надобно мне про себя только знать.

Клеон. Да для чего ж не сказать и мне?

Оронт. Для того, чтоб ты не проболтался. Говорится пословица: скажи тебе, а ты скажешь борову, а боров – всему городу. Но коротко тебе и знать о том не почто. Я знаю наперед, что ты скорее все дело испортить, нежели помочь можешь.

Клеон. Хорошо! Так я и не спрашиваю, а я хотел было сам тебе сказать и показать нечто.

Оронт. А что такое?

Клеон. Что-нибудь уже, но только хорошенькое.

Оронт. Пожалуйста, голубчик-братец, скажи!

Клеон. Добро! Я не таков, как ты, я и скажу. Картинку, сударь, новоманерную, которую я без вас сам выдумал и нарисовал. Да посмотри-ка только (*показывает*).

Оронт. Ах! Какая это прекрасная! Но – ба! ба! ба! – как же это ты делал и чем таким рисовал?

Клеон. Угадывай! Этого-то я тебе уж не скажу.

Оронт. Для того, что скажешь тебе, а ты неравно скажешь борову, а боров -всему городу. Изволь, сударь, сам добираться. Нет, пожалуйста, братец, скажи! Ах, как это хорошо!

Клеон. Пустое. Ты сам не хочешь мне сказать.

Оронт. Экой ты! Мне, право, нельзя тебе сказать, об этом, пожалуйста, голубчик-братец, не докучай. Я, конечно, расскажу тебе, но только не теперь, а после.

Клеон. Ну! И я тебе расскажу, но не теперь, а после.

Явление пятое

Те же и Ванька

Ванька (*входя, Клеону*). Батюшка, сударь, изволит вас спрашивать, извольте скорее. Клеон. Зачем это? Тотчас.

Ванька (*хотел было вслед за ним идти, но Оронт дает ему знать, чтобы он остался*). Чего, сударь, изволите?

Оронт. О! Ванюшка, мне есть до тебя небольшая нуж-дица. Сслужи ты мне службу.

Ванька. Какую такую? Однако мне недосужно. Старый боярин велел тотчас придти, но молчите, сударь, я приду тотчас. Оронт. Пожалуйста, приходи, а я подожду тебя здесь.

Явление шестое

Оронт один

Оронт. Ох, мне уже этот шелкопер и скалозуб! Эта пустая голова! Не только там, но и во всю дорогу мне не дал покоя. Да отсмею же я ему когда-нибудь. Только бы мне узнать и проведать. За молодцом-то не одно рукомесло. Есть за ним и другие промыслы. Он думает, что я и не видал, как он там в девичью-то завертывался и с девушками-то заигрывал и вешался, и как он с слугами-то своими перешептывал и мальчишке-то хозяйскому совали деньги в руки. Видел я все это, и догадаться можно, что это все значило. Какая нужда нашему брату ходить в чужом доме в девичью! Какие это там дела!.. Но дураки хозяева-то там, что это терпят. У нас отведал бы он так-то: скоро бы утер носок и обжегся! Но недаром же он сюда с нами поскакал. Ни у кого не было на уме его звать, а сам сударь назвался да и ночевать еще хочет. Верно, что-нибудь, а есть у него на уме. И когда бы вздумалось ему здесь за то же ремесло хватиться и мне бы удалось о том только сведать, уже бы я над ним спроворил нечтечно. И дурак бы я был, если б не смастерил с ним что-нибудь хорошенькое. Но вот идет Ванька! Малой-то проворен и мне поможет, когда б только пошло что-нибудь на лад.

Явление седьмое

Оронт и Ванька

Ванька. Ну что, сударь? Какая служба-то?

Оронт. Уже служба! Только исполнишь ли? Пожалуйста, Ванюшка, сослужи, а я тебе сказываю, что не только хорошею подачу, но целый десяток самых хороших яблок. Слышишь, сам есть не стану, а тебе отдам, ежели исполнишь.

Ванька. Ну хорошо, хорошо, боярин. Яблоки я люблю. Но послушаем наперед: что такое?

Оронт. Безделица! И дело-то все вот в чем. Видал ли ты нашего гостя?

Ванька. Как не видать.

Оронт. Ну посмотри, пожалуйста, за ним: не станет ли он завертываться в девичью или не будет ли чего-нибудь с слугами своими перешептывать. Подслушай, ежели можно. Или не станут ли они или сам он самого тебя улещивать, сулить тебе деньги и к чему-нибудь уговаривать, например...

Ванька. Да на что ж б вам это надобно?

Оронт. Уже надобно, только, пожалуйста, попроворь-таки, не спускай глаз с него долой и тотчас мне скажи. Ванька. Хорошо, боярин, только устоите ль в своем слове?

Оронт. Уже устою и дам тебе еще сверх того целой алтын на лапти.

Ванька. Ну хорошо, боярин, но не пожалуете ли вы мне его теперь? У моей матери лаптей нет, так бы я ей отдал.

Оронт. Теперь! Нет, а тогда, когда исполнишь и узнаешь. Ванька. Пожалуйста-ка, сударь, не скупитесь. Я уже узнаю, но что много говорить: дело-то уже отчасти изделано, и служба наполовину отслужена.

Оронт. Как это?

Ванька. Да я уже, сударь, нечто знаю: и многое бы уже вам рассказал.

Оронт. Ох! так, пожалуйста, скажи же. Вот тебе не только алтын, но целых два: так лапти-то матери лаптями, а и тебе на калачи будет. *(Дает деньги.)*

Ванька. Что, сударь, ведь все, что вы изволили говорить, у нас уже и было, и было уже намняс, как он у нас был. Всего рассказывать будет долго. А коротко, боярин, видно, шилко-нек. Ему полюбилась наша Марфутка: так спит и видит ее. И мало ли, как он меня улещал, пожаловал мне пять копеек и посулил целую гривну, если я его с ней познакомлю.

Оронт. Что ж, исполнил ли ты его просьбу?

Ванька. И! Кстати ли, боярин! Да разве розги-то мне милы? Черт их побери! Как проведает, так куда я гожусь? Да к тому ж будто вы не знаете нашей Марфутки! Подвернись-ка к ней с этим – тотчас пощечину схлебнешь, а хохоль не хохол. Пропади она окаянная.

Оронт. Но на чем же дело-то у вас осталось!

Ванька. Нет, ни на чем. Я ему ни того, ни другого не сказал, а говорил только: погляжу... посмотрю.

Оронт. Ладно ж, Ванька! и лучше требовать не можно. Слушай же теперь. Он не преми-нет у тебя, конечно, спрашивать, как видно, за тем-то он сюда и приехал. И так, ежели спросит, то помоги ты мне сыграть с ним шутку. Он мне насолил до горла и неведомо как меня обидел. Солги ему, Ванюшка, скажи, что ты говорил с Марфуткою.

Ванька. Солгать! И! боярин, как вам не стыдно, что вы лгать меня хотите заставить. Братец ваш не таков и меня уговаривал, чтоб я не лгал.

Оронт. Что на него смотреть, а сверх того худого из того ничего не выдет – так такая ложь несколько еще и извинительна. Слушай, Ванька, два алтына я тебе дал, но дам еще четыре

копейки, ежели ты мне только сделаешь, а так будет у тебя целая гривна. Легко ли, сколько денег!

Ванька. Хорошо, боярин! Но разве для вас и в последний уже раз солгать! Но что ж бы такое солгать-то ему?

Оронт. Постой! Дай подумать: что б такое нам с ним смастерить-то получше? (*Думает, озирается кругом и говорит с расстановкой.*) Да!.. Это будет ладно!.. Нет!.. Не годится... Постой!.. Это будет лучше... Ей-ей! Хорошо... так... не слушай. Когда он у тебя спросит... но ш... вот брат идет. Ему об этом отнюдь знать не надобно... Пойдем, Ванюшка, я расскажу тебе в другом месте и вместе посоветуем. (*Уходят.*)

Явление восьмое

Клеон один

Клеон. Хотелось бы мне ведать, что такое они между собою говорили и что за сокровенное, что, завидев меня, тотчас перестали и ушли. Уже не затевают ли они какой проказы над головою г. Честохвалова? Оронту моему, как видно, он очень досадил, и ему хочется отомстить ему за то. Но пусть себе что хотят, то делают. Не хочу я мешаться в их сплетни. Не до меня будет и дело. А то неравно батюшке не понравится, так он на меня гневаться станет, так что в том хорошего? Мне не хотелось б, чтоб он гневался на меня: он меня любит. Он мне, бог знает, сколько раз говаривал, что над людьми смеяться, трунить и шутить дурно, что от того как можно отвыкать надобно, что это нам ни маленькой не делает чести, но нам же ко вреду служит. Так не худо и в этом батюшку послушаться, он за то меня еще и более любить станет. Да и самая правда! Теперь я сам в примере г. Честохвалова вижу, как это дурно над людьми трунить и скалозубить. Ведь каково досадно теперь Оронту, как и самому мне на него, что он так меня отпотчивал: равно так не бог и всякой досадно, над кем смеется и шпыняется. Нет! не хочу я это перенимать и никогда не стану того делать. Что в том хорошего! За это ремесло никто не похвалит. Пускай себе он владеет оным. Ему такая в том и честь и слава, а я не хочу! Можно и без того обойтись, а что он надо мною подшпынял! и! что нужды в том. Бог с ним! Я всегда останусь я, а он все он, ни его не прибыло, ни меня не убыло. Не хочу я досадовать на то. А вот лучше отошел так-то, так и дело кончено. Мели себе, пожалуй, что хочешь, – не слышу.

Явление девятое

Клеон и лакей

Лакей. Где батюшка, сударь? Не можно ль ему вытти?

Клеон. Да на что тебе он, Игнат?

Лакей. Я пришел было доложить ему об одном погорелом бедном и дряхлом старике, просящем милостыню. Не изволит ли приказать ему что-нибудь дать.

Клеон. Да где ж он?

Лакей. Он стоит у ворот.

Клеон. Хорошо, Игнат, поди ж ты за ним и приведи его сюда, и я посмотрю, не можно ли доложить батюшке.

(Слуга выходит.)

Явление десятое

Клеон один.

(Подходит к окну и, видя вдали погорелого.)

И подлинно старый и дряхлый! Насилу тащится, бедняжка! Ах, как же мне его жаль! Небось он, бедненький, в превеликой теперь нужде и горести. Все у него, небось, пригорело. Попрошу батюшку, чтоб он что-нибудь ему пожаловал. Но, правда, он и сам к несчастным жалостлив. Он еще и мне сколько раз говаривал, что надобно иметь всегда к бедным сожаление и стараться как можно им помогать. Он всегда говорит, это я помню, что мы ничем не можем Богу лучше услужить и оказать ему приятнейшей услуги, как уделением бедным своего достатка и что Богу это всего приятнее и он никогда не приминет и сам нас за то да еще несравненно более наградить. Эх жаль, что у меня еще ничего нет. Надавал б я ему всякой всячины, какая бы для него была радость и в теперешней печали утешение. На ту пору и денег-то у меня ничего нет, а осталось только... Попрошу-ка я у сестрицы займы сколько-нибудь. Ей-то я всегда отдам, а этакого случая опять, может быть, и не будет. Не хотелось б мне его пропустить. И! Да что жалеть! Отдам-ка я что есть! Годилось бы, годилось ему, а мне... на что? хотя б и надобно было. И! я сделаю все это для угождения Богу, а Бог, как захочет – так у меня и опять будет. Для него ничего жалеть не надобно. Но как б мне это сделать... Но, молчи, пойду наперед доложу батюшке. *(Уходит.)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.